
Гражданское общество в России и его субъекты

Баландина Э.Г.
Профессор ВАГС

In this article the author suggests different interpretations of “civil society” term’s understanding. The primary factors influencing the process of civil society’s developing are analyzed, presence or absence of that factors among Russian population is shown. To author’s mind the civil society should have a range of properties: (i) authority and professional government; (ii) powerful and well-structured civil sector; (iii) free citizens who have high developed responsibility. The system of values characteristics of national mentality which are typical for the specific society also have a great importance.

В исследованиях гражданского общества можно выделить два основных подхода к этому понятию. Первый представляет собой ряд точек зрения, объединенных общей мыслью о том, что гражданское общество связано с возникновением частной собственности и государства. Под гражданским обществом понимается здесь такое состояние социума, в котором юридически и политически обеспечены и защищены права и свободы человека. Гражданское и цивилизованное общество в данном случае трактуются как синонимы.

Второе толкование сводится к тому, что гражданское общество – это сфера негосударственных отношений и разнообразных структур, обычно объединяемых понятием «третий сектор», которое в послед-

нее время вышло за пределы экономической науки и приобрело расширительное социальное толкование.

При любой интерпретации в понятии «гражданское общество» в явном или неявном виде присутствует его субъект – личность, гражданин, неполитическая ассоциация граждан, социальный слой, наконец, «народ». В зависимости от толкования понятия меняется понимание субъекта гражданского общества, но устойчивым центральным ядром остается личность, человек, гражданин и его деятельность. Гражданское общество выполняет функцию связующего звена между личностью и государством, частным и общим интересом.

Гражданское общество и его субъекты

Субъекты развитого гражданского общества наделены рядом характеристик, среди которых преобладают такие как рационально-критическое отношение к социальной реальности, плюрализм идей и мнений, взаимная толерантность. В этом смысле о гражданском обществе можно говорить как о совокупности ответственно действующих людей, для которых при всех их различиях характерны самодеятельность, личная ответственность, самопомощь, самоуправление, солидарность.

Формирование гражданского общества в современной России, если предполагать наличие вышеозначенных характеристик, есть процесс, который включает в себе некоторые обязательные составляющие, касающиеся непосредственно субъекта. Такими характеристиками будут освобождение от социального иждивенчества, защита от манипуляций сознанием, способность субъекта к объективным оценкам и самооценкам. Понятно, что это не единственные социальные навыки, необходимые для жизни в гражданском обществе, но они представляются системообразующими в сознании и деятельности его членов.

Основная причина социального иждивенчества – патерналистский тип государства, характерного, в частности, для нашего социалистического прошлого. Иногда его называют социальным государством. На наш взгляд, это ошибка: соци-

альное государство в его классическом виде ориентировано на создание безопасных условий жизнедеятельности общества и человека, а патерналистское государство занимается устройством самой жизни, то есть регламентирует жизнь граждан, берет на себя большую часть заботы по организации жизни в соответствии с интересами государства. При таком типе государственная и негосударственная сферы сливаются, человеческое существование полностью поглощается интересом общего, сфера «частного» практически исчезает. Подобное понимание отношений государства, личности и общества имеет свои исторические корни и восходит к социальной философии Т. Гоббса. «Обмен» между государством, обществом и личностью выглядит здесь следующим образом: государство несет полную и абсолютную ответственность за своих подданных, но требует от них полного и абсолютного подчинения власти.[2].

Патерналистское государство в нашей стране сформировало особый социально-психологический комплекс у россиян. С одной стороны, к власти нет ни особого доверия, ни особой любви, с другой, есть полная зависимость от этой власти и в хорошем, и в плохом. Личность ничтожна или, в лучшем случае, социально слаба и находит утешение в подобной же слабости основной массы населения. Люди, открыто претендующие на более высокий социальный или экономический статус, воспринимаются как

неприличные выскочки, «нувориши». Недаром слово «карьерист» обладает устойчивым негативным смыслом (хотя, заметим, слово «карьерера» негативно уже не воспринимается).

Толкование гражданского общества и его субъектов как особой негосударственной сферы более современно, оно связано с пониманием того, что государство не должно, не может и не будет решать все проблемы общества и человека. Эта мысль основывается на требовании уважать законы государства, права других людей, свободолюбии, ответственности и естественном прагматизме. Надо понимать, что интересы государства и общества совпадают не всегда, даже если декларируется народное государство, и декларация закрепляется законодательно, например, в Конституции. Государство может создавать благоприятные или неблагоприятные условия для развития гражданских инициатив и жизни граждан. Государство представляет собой политическую структуру, гражданское общество – сфера неполитических отношений по преимуществу, и излишняя политизация ему только вредит.

Политическими условиями, благоприятствующими развитию гражданского общества можно считать создание определенной законодательной базы, в которую входят законы о свободе совести, общественных объединениях, предпринимательской деятельности и т.п.

Принятые законы нуждаются в правоприменительной практике, которая есть также прерогатива государства, оно само в лице органов государственной власти соблюдает законы, создает равные для всех условия их исполнения, контролирует и регламентирует действие законов.

Нравственным условием со стороны государства для формирования гражданского общества (если власть действительно в этом заинтересована) является моральная сторона деятельности самого государства. Государство должно и может быть честным со своими гражданами, граждане и гражданские ассоциации должны постоянно чувствовать и ощущать, что государство доверяет им, видит в них партнеров, что положение дел в государстве не скрывается от них. Если же появляется нужда в сокрытии какой-то информации, государство честно и прямо объясняет, почему это необходимо. Нормальные партнерские отношения между обществом и государством могут развиваться только при условии честного диалога, и государство, как более сильный и организованный партнер, должно быть инициатором такого диалога.

Кроме рациональных, создаваемых государством правовых условий, «правил игры» для диалога властных структур и общества, части моральных норм, существуют условия, не контролируемые государством. Одно из таких условий – соци-

Гражданское общество и его субъекты

альные традиции. Патерналистское государство широко использует традицию, заменяя ею закон, ссылаясь на «национальное сознание» или «особую ментальность» народа. Можно, конечно, умиляться «загадочной русской (туркменской, грузинской, узбекской и т.д.) душе», можно упиваться своей самобытностью и особостью. Но вот гражданское общество строится не на «любви к вождям», не на любви народа к государству, или его атрибутам, а на основах рационального партнерства. В Европе идея гражданского общества вызревала в социальной философии Гоббса, Локка, Гегеля, Маркса, институты гражданского общества появлялись как средства защиты от государственного произвола, а также как элементы позитивной самоорганизации. Их источником являлось право на частную собственность, вокруг которого и выстраивался каждым индивидом комплекс его жизненных смыслов, его жизненный мир. Огромное значение для укрепления гражданского общества имела этика личного успеха и этика личного долга, обозначаемая иногда как индивидуалистская. Значимым результатом борьбы государственного и общественного становилось более рациональное, подчиненное здравому смыслу, понимание отношений с государством, как союза, основанного на договоре, а не на традиции. Только гораздо позже договорные отношения оказались способными сами превратиться в социальную традицию разрешения противоречий между обществом и

государством. Современное гражданское общество и его субъекты в Европе ведут такую же борьбу, то есть защиту собственных частных интересов, уже не только с собственными государствами, но и с наднациональными политическими образованиями, скажем, с Европейским Союзом. Это совершенно нормальная ситуация. Она не означает полного разрыва с национальными традициями, она означает придание традициям иного, более современного смысла. Что касается России, то для нас насущной задачей представляется, скорее, расставание с некоторыми традициями и установками, в частности, с традиционно слабой ответственностью за собственную жизнь и судьбу, с перенесением этой ответственности на надличностные инстанции: от Бога до местной администрации.

Не менее сложной на пути изменения субъекта гражданского общества в России представляется задача защиты от манипуляций сознанием. Современное общество отнюдь не деидеологизировано, как это иногда представляется. Напротив, оно чрезвычайно идеологизировано, в нем сосуществуют, сталкиваются, борются за влияние на умы и души многообразные идеологии. Несколько упрощая реальную ситуацию, можно выделить несколько ведущих идеологических стратегий, в фарватере которых находятся разные слои гражданского общества. Есть влиятельный, мощный финансово, властно и интеллектуально слой людей, ориентирующихся

на ценности европейской культуры, чувствующих себя легко и «дома» в лоне европейского мышления, европейской культуры, европейского образования. Этот слой сам по себе не однороден, в нем есть «американизированные» группы с их волей к власти, «французские» с их волей к ясности, «немецкие» с их волей к порядку и т.д.

Есть также довольно влиятельный, но менее мощный финансово и интеллектуально слой «самобытников». Они имеют два основных ресурса. Первый – ресурс власти, где идея «самобытности» находит поддержку, особенно в периоды предвыборных кампаний. Второй – массовая психология, где «самобытники» эксплуатируют естественный страх большинства людей, особенно представителей старших поколений, перед слишком быстрыми, слишком агрессивными переменами, с последствиями которых психологически люди справиться не могут. Последствия быстрых перемен никогда не могут быть однозначно позитивными или негативными: реально есть и те, и другие. Какие использовать в идеологической практике – дело вкуса и собственных предпочтений идеологов.

Есть, наконец, основная масса населения, которая не озабочена специально ни проблемами становления гражданского общества, ни партнерством с государством. Их интересуют частные, собственные проблемы: зарплата, налоги, жилье, работа. Эта основная масса и есть

главный материальный ресурс гражданского общества, оно не строится специально под идею или под желание власти в кратчайший срок, желательно к какой-нибудь значимой дате построить гражданское общество если не в стране в целом, то в отдельно взятом регионе. Гражданское общество постепенно вырастает из обычной жизни: из тех самых зарплаты, налогов, жилья, работы, лечения, образования, социальной защиты... Движущей силой гражданского общества является не собственно его идея, хотя она тоже должна присутствовать, как осмысление стратегического направления. Гражданское общество прорастает из обычной жизни, которая становится все более осмысленной и рациональной при благоприятных условиях, и все более мифологизированной и бессмысленной при условиях неблагоприятных. Осмысленность жизни предполагает умение противостоять идеологической агрессии, вырабатывать собственный взгляд на происходящее в стране, мире и собственной жизни. В этом случае меньше будет «обманутых вкладчиков», «жертв перестройки», заложников политиков и политтехнологов.

На пути к свободе разума необходимо научиться различать науку и идеологию. Надо понять, что научной идеологии не бывает и не может быть. Это не хорошо и не плохо. Наука и идеология просто разные. Наука занимается по преимуществу поисками истины, и науч-

Гражданское общество и его субъекты

ные размышления движутся между полюсами: истинное – вероятное – ложное. Идеология всегда занимается или критикой, или апологетикой. Ее крайние точки: полезное – вредное – бесполезное. Или – в более жестком варианте – «наше» и «не наше». Смешивание идеологии и социальной науки происходит часто, иногда в самом деле их трудно отделить, оно даже имеет довольно многочисленные теоретические обоснования и на первый взгляд выглядит привлекательным, но надо понимать, что смешивать науку и идеологию далеко небезопасно.

Научные истины зависят от принятой научным сообществом парадигмы знания и деятельности, а также от исследуемого объекта. Идеология зависит от принятой и одобряемой обществом системы ценностей и от жизненных условий общества, в котором функционирует идеология. Если говорить об индивидуальном сознании, то усвоенная система ценностей больше влияет на идеологическую составляющую, чем непосредственные условия жизни (хотя индивидуальные отклонения могут быть, они многообразны, психологи, изучающие девиантное поведение, хорошо их знают, но это частные случаи)

Для идеологического обеспечения всякое общество должно иметь общепринятую, открыто поддерживаемую и внятно артикулированную систему ценностей, преобразованную и воспринимаемую массо-

вым сознанием как гештальт – целостный идеальный образ. Ценности представляют собой общие культурные ориентации общества, они управляют коллективной жизнью, превращаясь в социальные нормы, которые, в свою очередь, преобразуются в организационные формы и роли. Между ценностями и нормами не существует непрерывности, между ними втискиваются, как клин, отношения власти или идеологические отношения. Культурные ориентации, превращаемые в социальные нормы, обнаруживают влияние власти, а социальные нормы, воспринимаемые как культурные ориентации, оправдывают борьбу с властью. Таким образом, культурные ценности и нормы становятся полем политических отношений государства (если под властью в данном случае понимать государственную власть) и общества, инструментом властных отношений, они маскируют политические конфликты. Всегда можно с большой долей вероятности предполагать, что речи о защите культурного достояния на самом деле предполагают защиту права на критику политических оппонентов. При этом культурные ориентации не перестают выполнять органически присущую им функцию – быть инструментами воспроизводства обществом самого себя. Всякое общество замкнуто между ценностями – инструментами производства обществом самого себя и идеологическими инструментами воспроизводства отношений государства и общества. Общество, в котором

культурные ориентации и социальные нормы имеют тенденцию к интеграции, или образуют общепринятую систему ценностей более упорядоченно, безопасно и благоприятно для жизни.

Принятая и социально одобряемая система ценностей не исключает свободы выбора для индивида. Всякий человек волен иметь любой образ мыслей и любой образ жизни, но человек должен понимать, что его личный образ действий отнюдь не безразличен для общества, он содействует или угрожает общественной безопасности, потому общество имеет право защищать себя от неблагоприятных для себя последствий отклоняющегося от нормы поведения индивидов.

На первый взгляд кажется, что поведение индивидов в свободном обществе не нуждается в корректировке, поскольку все, что является благом для каждого, и есть общее благо. В литературе этот тезис известен как «fallacy of composition». На его ошибочность, причина которой состоит в двойственном значении термина «все», указывал в свое время еще Аристотель [1, С.406] Опасность подобных заблуждений отмечали Руссо и Кондорсе (известный парадокс Кондорсе – Арроу). Всеобщая воля не всегда совпадает с волей всех, она не появляется автоматически даже в тех случаях, когда сумма индивидуальных предпочтений, как кажется, может быть, сведена к простой арифметической сумме. Это пока-

зывает практика управления развитыми обществами, основанная на поиске социального оптимума между множеством индивидуальных ценностных систем и системой общих социоэтических норм [4]. Система этих норм имеет функцию общественной защиты, которая может быть чрезвычайно многообразной: от высказываемого публично несогласия с нарушением норм до остракизма. Таким образом, гражданское общество не только защищает интересы граждан, но и формирует чувство гражданской ответственности, по крайней мере, за свою собственную жизнь и благополучие.

Защита от манипуляций сознанием предполагает, что члены общества должны уметь или научиться противостоять манипуляциям. Неразвитые, но уже имеющие место свобода мысли и деятельности всегда соблазнительны для тех, кто хотел бы проявить волю к власти. Прямое насилие и подчинение с помощью принуждения в более или менее цивилизованном сообществе уступают место зависимости, которая создается посредством манипулирования сознанием. В этом случае идеология власти не вступает в прямое противоречие с традиционными или вновь принимаемыми культурными ценностями, она скрывается за абстрактными принципами (гуманизма, народовластия и т.п.) или насущными потребностями (безопасности, сохранения здоровья или рабочих мест...). Практически это выглядит

Гражданское общество и его субъекты

следующим образом: в ходе строительства демократических институтов общества появляется огромное количество «технологий» и еще большее количество людей, которые хотели бы иметь в своем распоряжении эти «технологии» с целью подчинения сознания и поведения других. Появляются и приобретают невиданную популярность новые профессии: имиджмейкеры, политические психологи, политические технологи т.д. функционально приспособленные для воспроизводства удобного власти социального порядка. Единство и интеграция социального регламента мыслилась и воспроизводилась бы как унифицированный проект господства государства, если бы речь шла об авторитарном, деспотическом или тоталитарном обществе.

Но в современных, более демократических условиях социальное господство более проникающе и более разнообразно, претензию на влияние и власть имеют не только государственные, но и разнообразные негосударственные политизированные структуры. Их технократические аппараты обладают способностью формировать политический спрос в зависимости от контролируемого ими предложения, пробуждать нужные потребности и т.д. Они могут непосредственно вмешиваться в область определения социальных ценностей. Защита от многообразных претензий на идейное господство не может ограничиваться групповой иденти-

фикацией, как это было характерно для советского общества, когда, например, принадлежность к научному сообществу или интеллигенции уже позволяла ставить ценности локального сообщества выше, чем официально принятые в государстве. Защита через групповую идентификацию существует и сегодня, но теперь она апеллирует к наименее социальному в человеке: природе, бессознательному, телесному, эмоциональному. Реальная возможность самостоятельно осуществлять свой идейный и ценностный выбор заставляет обращаться к другим средствам защиты от манипуляций сознанием, связанным с большей личной, а не групповой ответственностью.

Необходимо научиться распознавать манипуляции, выявлять их признаки, а затем и противостоять им. Манипуляция представляет собой особый способ господства и насилия путем духовного воздействия на людей через программирование их поведения. Воздействие направлено на психические структуры человека, осуществляется скрытно и ставит своей задачей изменение мнений, побуждений и целей людей в нужном направлении [3]. Оксфордский словарь определяет манипуляцию как скрытое управление поведением или психологическую обработку людей, при которых люди воспринимаются и ведут себя как программируемые объекты.

Заметим, что нередко манипуляторы сами становятся жертвой собст-

венных действий, значительно изменяется их мировоззрение, восприятие действительности, содержание и форма психических реакций. Это обстоятельство придает им необычайную убедительность, искренность, видимость беспристрастности. Принципиально важным методом манипуляции является скрытость воздействия.

Об эффективности манипуляций можно судить по успеху «ваучерной приватизации» по количеству «обманутых вкладчиков», по выборам в органы власти разных уровней, где мы регулярно имеем дело с классическими формами манипуляции. Иногда возникает легкое подозрение, что и выборы-то затеваются для того, чтобы отработать очередной вариант политической технологии.

Вскрыть или обнаружить манипуляцию не так просто, чаще всего это происходит «задним числом», когда желаемый эффект уже достигнут. Примечательно, однако, то, что нередко человек, обнаруживший обман и самообман, будет обманываться вновь и вновь, что и позволяет применять манипуляции многократно. Тем не менее, вскрытие манипуляции возможно и желательно. Оно происходит не на пути разоблачения ее неистинности. Вообще понятия истинности или неистинности сообщаемых сведений здесь неприменимы, поэтому манипуляторы легко утверждают, что только им известна настоящая правда, понимая, все дело

состоит не в получении истинного знания, а в интерпретации информации. Одна из самых больших трудностей в разоблачении манипуляции состоит в том, что всякая манипуляция есть не только насилие над психикой, но соблазн. Человек под влиянием полученных информационных сигналов сам перестраивает свою психику, свои мнения, воззрения, настроения. Происходит встраивание жеста, слова, текста в контекст, который представляет собой общность мыслей и слов, сцепленных множеством связей, часть из которых невидима и, скажем, законом не преследуема, хотя может присутствовать и достигаться незаконная цель манипуляции. Это хорошо понимают и сами манипуляторы, провоцируя, например, правоохранительные органы на борьбу с собой посредством закона и выигрывая судебные процессы, тем самым, уверяя себя и других в своей «истинной правоте».

Существуют ли действенные средства борьбы с манипуляциями, особенно интересующими нас в данном случае – политическими и идеологическими? В принципе, существуют, они есть в повседневной личной жизни и индивидуальном сознании. Важно для самого человека не стать жертвой политических манипуляторов. Для этого необходимо не так уж много. Во-первых, уметь реконструировать и как можно полнее реальный контекст сообщения. Успех реконструкции тем выше, чем лучше человек образован, чем лучше он знает

Гражданское общество и его субъекты

историю, политику, культуру. Во-вторых, надо отчетливо понимать интересы тех, кто «организует» информацию. Политические интересы вообще вычленишь не трудно: власть, влияние, богатство. В этих областях и надо искать интересы манипуляторов, не боясь показаться слишком циничным. В-третьих, надежной защитой от манипуляций может быть обыкновенный здравый смысл. Психологами подмечено, что наиболее распространенными жертвами манипуляций становятся люди так называемого нарциссического склада, находящиеся в непрерывном поиске своей идентичности за рамками реальных социальных отношений, следовательно, в тех областях, которые контролируются манипуляторской властью. Главным же средством противостояния манипуляциям должна стать сама реальная жизнь с ее действительными проблемами и их решениями, с позитивными изменениями, которые выбивают почву из-под ног манипуляторов.

Целью и результатом усилий по формированию гражданского общества в России должно стать изменение основных его компонентов и системы коммуникаций между ними.

Нормальное общество должно иметь авторитетную и профессиональную власть, мощный, хорошо структурированный гражданский сектор, свободную, обладающую высоко развитым чувством ответственности личность. При этом ни

гражданский сектор, ни государственная власть, ни отдельные люди не должны подавлять или подчинять себе другие сферы, не должны снимать с себя ответственности за свою деятельность и за действия друг друга. Стойкая идеологическая или практическая деформация их отношений неминуемо повлечет за собой деструктивные изменения во всех сферах общественной жизни, вынудит участников коммуникативного действия приспособляться к этим деструкциям, сочиняя в их оправдание самые дикие теории и безумные «правила игры».

К сожалению, пока немного надежды на сколько-нибудь заметные шаги в этом направлении. Дело не в отсутствии желаний или отсутствии цели: их как раз достаточно. Дело в отсутствии «воли к действию» у самого общества. В социально-психологическом плане российское общество пока пребывает в «полуразобранном» состоянии, которое вообще не может служить фундаментом чего бы то ни было. Сложным сплавом всего желаемого, но в настоящий момент невозможного, становится иллюзия, что гражданское общество может быть не только инициировано, но и создано «сверху» усилиями интеллектуальной и/или властвующей элиты. Властвующая элита видит в российских интеллектуалах естественных союзников в построении гражданского общества, что отчетливо прозвучало на Гражданском Форуме осенью 2001 г. в Москве и много-

кратно повторилось на региональных уровнях.

Есть опасность, однако, что остающееся пока без изменений психологическое состояние населения, для которого по-прежнему актуальны правовой нигилизм и анархическое «свободолюбие», будет провоцировать не строительство гражданского общества, а усиливать элементы хаоса в общественном развитии современной России. Этому состоянию сегодня видится единственный противовес – сильное государство. В результате мы можем получить то, что уже было – сильное государство, слабое общество, подавленную личность. Получим не партнерство, а ситуацию господства – подчинения, изредка, или не очень редко прерываемую бунтами против господства и насильственным восстановлением последнего.

Надежда на самообучение россиян навыкам гражданственности как навыкам общественной социальной самоорганизации, самоограничению и. соответственно, навыкам цивилизованного контроля за функционированием государственной машины власти, пока что призрачна, но она есть и имеет, по крайней мере, два основания. Деградация и распад системы государственного патернализма были очень болезненными для массы населения, но в то же время вызвали повышение само – деятельных форм жизни и активизацию личного начала, хотя и не всегда позитивного для общества в целом.

Как представляется, нарастает осознание необходимости не только личной, но и общественной безопасности, для обеспечения которой необходимо социальное устройство с низким уровнем взаимной агрессивности его членов. Общества такого типа описаны в литературе [5; 6]. Их особенностью является такое устройство, при котором индивид одними и теми же действиями и в одно и то же время служит как своим собственным интересам, так и интересам остальных членов общества

Пропорции агрессивности и неагрессивности человеческих сообществ определяются тем, насколько социально приемлемы действия, которыми мы можем прийти к исполнению личных планов, как они обеспечивают взаимную выгоду и исключают поступки и цели, наносящие ущерб другим членам общества. Агрессия в таких обществах не распространена вовсе не потому, что его членам неведом эгоизм, и они ставят социальные обязательства выше собственных желаний, а потому, что само социальное устройство делает эгоизм и альтруизм идентичными. Общество может слабо, а может сильно поощрять действия ее членов, направленные на общее благо, в зависимости от этого слабеют или усиливаются эгоизм и альтруизм.

Всякое современное общество является смешанным: оно поощряет и филантропию и конкуренцию, но поощрение может быть регулируе-

Гражданское общество и его субъекты

мым, можно стимулировать одни проявления человеческой субъективности и не поощрять другие.

Можно транслировать одни образцы поведения как позитивные, другие – как негативные. В ранних сообществах функцию трансляции социального опыта выполнял миф, в современных сообществах – средства массовой информации, систе-

ма образования, церковь и некоторые другие социальные институты.

Как бы ни оценивать возможности и перспективы появления полноценного гражданского общества в России, его необходимость для свободного и благополучного в долгосрочной перспективе цивилизационного развития страны очевидна.

Литература

1. Аристотель. Политика II 3, 1262a // Сочинения в 4-х тт. Т.4. М.: Мысль, 1984. - 830 с.
2. Гоббс Т. Избранные произведения в 2 т. – М.: Мысль, 1965.
3. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием в России сегодня. – М. 2001.
4. Козловски П. Общество и государство. – М. 1998.
5. Леви-Стросс К. Неприрученная мысль. Отношения симметрии между ритуалами и мифами соседних народов. // Леви-Стросс К. Первобытное мышление. – М. 1994.
6. Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики.– СПб., 1997.